

УДК 811.35

«УДАРЕНИЕ» В ЧЕЧЕНСКОМ И ДРУГИХ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

А. И. Халидов

Чеченский государственный педагогический университет,
Чеченский государственный университет

Ударение в том смысле, в каком этот термин употребляют чаще всего, в большинстве кавказских языков отсутствует. В этих языках гласные звуки противопоставлены по степени долготы, а это такое явление, к которому термин «ударение» в этом смысле применять не следует. Поэтому нужно или отказаться от этого термина вообще, или применять его, имея в виду только «долготное ударение», и принять во внимание, что оба типа в одном языке вряд ли совместимы.

The accent, in the sense in which the term is commonly used in most Caucasian languages, is not presented. In these languages the vowels are compared by the degree of longitude, and this is the phenomenon to which the term "accent" in this sense should not be applied. So this term has to be either abandoned at all, or used referring to only as the "longitude stress". It should be noted that both types can hardly be compatible in one language.

Ключевые слова: кавказские языки; чеченский язык; ударение; количественное ударение; долгие гласные; недолгие гласные.

Keywords: Caucasian languages; Chechen language; accent; quantitative accent; long vowels; short vowels.

Того, что мы писали о сомнительности присутствия в чеченском и других кавказских языках признаков собственно ударения [1, с. 76–77; 2, с. 284; 3, с. 95–98], видимо, оказалось недостаточно, если в грамматиках этих языков и в отдельных менее объемных публикациях все еще продолжают писать и говорить об ударении, имея в виду под этим не всегда различие гласных по долготе/недолготе, давно называемое «долготным ударением». По большому счету это не более чем попытка найти в этих языках соответствия ударению в русском языке, в котором, наряду с другими функциями, ударение (вернее говоря, изменение ударения, его перенос – акцентная мена) выполняет и форморазличающую функцию.

Даже если допустить, что в чеченском и других имеющихся в виду языках ударение есть, оно такую функцию, конечно, выполнять не может. **Акцентная мена**, вернее – чередование фонем, вызванное переносом ударения, с помощью которого, например, образуются видовые пары глаголов (*нарэзатъ – нарэзатъ*), отмечается исследователями в русском языке, хотя, на наш взгляд, существование видовых пар, различающихся таким образом, неоспорно. Не случайно, надо полагать, что такие пары не приводятся у А.А. Спагиса [4, с. 40–232], не отмечены в АГ-80 [5, с. 586–596], в большинстве вузовских учебников современного русского языка. С одной стороны, акцентно различающихся глагольных пар, применительно к которым вообще можно говорить о видовой парности, очень мало (*разрезатъ – разрезатъ, нарэзатъ – нарэзатъ, отрезатъ – отрезатъ* и другие приставочные глаголы с этим корнем, *ссыпатъ – ссыпатъ, насыпатъ – насыпатъ, засыпатъ – засыпатъ* – с учетом приставочных вариантов максимум десятков с лишним глаголов). С другой стороны, как пишет Л.Я. Маловицкий в своем разделе учебника, «в произношении они различаются не только местом ударения, но и звуковым составом» [6, с. 233]. В дополнение к этому можно также добавить, что видовая парность в этих глаголах может представляться спорной и потому, что сомнительно лексическое тождество акцентно разли-

чающихся глаголов: приставка **на-**, например, часто сообщает глаголу значение кумулятивного СГД.

Для того чтобы решить, есть ли такой способ различения форм слов или слов в чеченском языке, необходимо выяснить, есть ли в нем ударение вообще. Для этого, видимо, необходимо начать с того, что мы вообще понимаем под ударением, какие типы из выделяемых лингвистами можно называть собственно ударением без всяких оговорок и какой из них на самом деле характерен для чеченского языка.

Ударение, о котором идет речь в русской акцентологии («Ударением ... называется динамическое выделение одного из слогов неодносложного слова» [7, с. 5]: наверное, нужно было добавить, что ударным может быть и односложное слово), – это лишь одна из разновидностей словесного ударения – динамическое, силовое, экспираторное ударение. Собственно ударение (с выходом за пределы русского экспираторного ударения) детальнее и вернее, наверное, характеризуется у О.С. Ахмановой, называющей ударением «выделение теми или иными фонетическими средствами – усиление голоса, повышение тона (резкое изменение мелодической кривой) в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости и т.д. – одного из слогов в составе слова или целого словосочетания» [8, с. 482]. «Привязывание» в этих и других определениях ударения к неодносложным словам не означает, конечно, что в односложных словах ударения нет (*Бог, дом, куст, мед* и др., конечно, содержат, хотя и единственный, ударный слог), но экспираторность ударения в русском языке особенно явно проявляется при соседстве ударного слога с безударным.

Если отвлечься от несобственно-фонетических вариаций ударения типа контрастного (эмфатического) ударения (*John ran away – John rán away*), альтернативных произношений типа *syntroversy – controversý*, о которых идет речь у Дж. Лайонза [9, с. 356, 443], или так называемых логического и аффективного ударения и акцентных вариантов, рассматриваемых в русистике (являющихся, по сути, лишь реализациями нижеприводимых), в языках мира в принципе используется три типа ударения: 1) динамическое (экспираторное, силовое), 2) тоновое (музыкальное) и 3) долготное (квантитативное). Вторая разновидность редко является основной, но все же есть языки, в которых нет ни долготного, ни силового ударения и гласные в словах выделяются лишь тонально. Считая, что в китайском языке ударения в общепринятом смысле нет, во всяком случае, нет признаков ударения силового, динамического [10, 11], А.М. Кубарич по большому счету повторяет представление о китайском «мелодическом», «музыкальном» ударении, с которым соотносится «ударение» и в немногих других языках, таких как вьетнамский. В той или иной степени «музыкальное» ударение присутствует, видимо, во всех языках, поэтому можно говорить о возможности сочетания доминирующих динамического и количественного ударений с музыкальным в том или ином языке. Но можно ли быть уверенными, что в одном языке могут совмещаться динамическое и количественное ударения? Если доверять источникам из кавказской лингвистики, то вполне.

З.Г. Абдуллаев несколько не преувеличивал, когда писал, что «вопрос об ударении – это своего рода пробный камень для исследователя-фонетиста» и «особенно он труден для разрешения в языках с сильным диалектным членением и сложной вокалической системой», поэтому «специалисты по фонетике дагестанских языков вопрос об ударении чаще избегают», а «имеющиеся в научной литературе отдельные высказывания носят либо общий, неконкретный характер, либо страдают существенными неточностями и противоречиями» [12, с. 216], при этом имелись в виду такие авто-

ры, как А. Шифнер, П.К. Услар, А. Дирр, Н.С. Трубецкой, Л.И. Жирков и др. Чаще всего об ударении в дагестанских языках пишут, что оно слабо выражено. То, что писал об ударении в даргинском языке С.Н. Абдуллаев («Характерной особенностью ударения в даргинском языке является то, что оно акустически слабо выражено, мало заметно» и его «иногда даже трудно установить» [13, с. 236]), распространяется практически на все дагестанские языки и на большинство языков кавказских вообще. Однако З.Г. Абдуллаев уверен, что «малозаметность, слабость ударения в фонетическом аспекте вовсе не означает отсутствие ударения» [12, с. 219]. Вот только проблема в том, что и у него, и у других авторов, затрагивавших эту проблему на материале кавказских языков, мы видим поиск ударения динамического, силового, без должного внимания к тому факту, что большинство этих языков характеризуется различием гласных по долготе/недолготе, и с упорным нежеланием признать это различие тем, что в общей фонетике принято называть количественным, или долготным, ударением.

Само различие гласных по долготе/недолготе в кавказских языках, близких и генетически, и структурно, проявляется по-разному, поэтому не следует ожидать и однотипности ударения в них.

В том же даргинском языке, видимо, основания для выделения силового ударения есть, поскольку в литературном языке долгих гласных нет, а в диалектах долгие гласные имеют нередко морфонологическое происхождение: при отсутствии количественного (долготного) выделения одного из слогов язык должен использовать один из двух остальных способов, а поскольку это явно не музыкальность, остается, конечно, силовое ударение, присутствие которого в даргинском языке З.Г. Абдуллаев, надо полагать, обосновал вполне убедительно и перенес его в другую книгу, в которой явился соавтором. Начав с того, что «даргинский язык не относится к типу языков, где функцию единства слова обеспечивает в качестве основного просодического средства редукативное, сильноцентрализующее ударение (как, например, русский язык)» и «положение о том, что ударение заключается в выделении одного из слогов в слове и что безударные слоги не подчиняются ударному слогу, а сохраняют свою автономность, широко распространенное в лингвистике, весьма условно может распространиться на даргинский литературный язык», З.Г. Абдуллаев объясняет это тем, что в основе литературного языка лежит акушинский диалект, в котором трудно или невозможно установить, на каком слоге стоит ударение, затем, ссылаясь на другие диалекты и говоры, утверждает, что ударение в даргинском языке все-таки есть [14, с. 41–43].

Увереннее о присутствии силового ударения говорят исследователи тех языков, в которых не отмечены долгие гласные. Так, например, по мнению Р.И. Гайдарова и др., в лезгинском языке ударение силовое, динамическое (экспираторное), достигаемое сильным мускульным напряжением артикуляционных органов речи», разноместное, но в основном падающее на второй слог [15, с. 85]. Наличие в лезгинском языке (и, видимо, в целом в лезгинских языках) силового ударения объясняется, очевидно, отсутствием в нем так называемого «долготного ударения», т.е. отсутствием в системе гласных долгих фонем. Но, сталкиваясь с языками, в которых есть противопоставление гласных по степени долготы, о силовом ударении пишут с разной степенью неуверенности. Тем не менее, даже при наличии явных признаков долготного (количественного) ударения не отказываются от того, чтобы предположить наличие «слабо выраженного» динамического ударения. Относительно гунзибского

языка, например, пишут: что «ударение в гунзибском языке можно охарактеризовать как слабо выраженное» [16, с. 18], несмотря на то, что в гунзибском языке противопоставление долгих-недолгих гласных фонематично, «хотя «не каждый краткий гласный имеет свой долгий коррелят» [16, с. 24]. По мнению его исследователей, для тиндинского языка тоже «характерно нечетко выраженное динамическое подвижное ударение» [17, с. 43], видимо, выраженное нечетко по причине наличия долгих гласных [17, с. 6].

Характер ударения в адыгских языках также связан со степенью сложности (вернее, предельной простоты в сравнении с вокалическими системами нахских и дагестанских языков). В адыгейском языке, например, в котором, по его характеристике у Г.В. Рогава и З.И. Керашевой, «звуковой состав ... характеризуется сложной системой согласных и более простой системой гласных», включающей три «простых» гласных **а, э, ы**, дифтонгические **уы, йа, йэ, йы** и др. [18, с. 22-23], «ударение – динамическое (силовое), но не интенсивное» [18, с. 25]. В кабардино-черкесском языке «вокализм характеризуется простотой своей системы и малочисленностью входящих в него единиц»: авторы цитируемой работы выделяют три гласные фонемы (**а, э, ы**), из которых «господствующими» являются краткие **э** и **ы**, отмечая, что у других исследователей встречаются и 7 (**а, э, ы, е, и, о, у**) [19, с. 54]: система гласных дополняется этими авторами вполне обоснованно полученными путем стяжения дифтонгов в итоге тоже «простыми» гласными **е, и, о, у**, имеющими, говоря словами авторов КЧЯ, «только фонетический статус». Какого-либо подраздела, в котором характеризовалось бы ударение в кабардино-черкесском языке, мы в этом источнике не видим, хотя ссылки на ударение встречаются часто. В одном месте мы читаем, что «для кабардино-черкесской речи характерна некоторая монотонность», обусловленная «стабильностью звукового состава слова, слабыми изменениями качества звуков в потоке речи, незначительными колебаниями тона» [19, с. 55], что, видимо, должно говорить об отсутствии противопоставления гласных по степени долготы. Так оно, в принципе, и есть: в кабардино-черкесском различают всего три «основные» фонемы: долгую **а**, краткие **э** и **ы**. Вопрос ударения, повторимся, в этой работе фактически обойден, на что обратили особое внимание рецензенты Я.Г. Тестелец и Ю.А. Ландер: «К сожалению, вовсе не описано ударение, хотя именно этим фактором автор раздела объясняет изменение долготы гласных в открытом слоге и слоговое деление» [20]. Остается сделать логический вывод о том, что в языке с ограниченной системой гласных, в которой к тому же нет противопоставления по степени долготы, ударение должно быть динамическим, учитывая при этом типологическую близость к адыгейскому языку, в котором выделяется динамическое ударение.

Даже без продолжения обзора литературы по фонетике и акцентологии кавказских языков, опираясь лишь на приведенный материал, нетрудно установить прослеживающуюся закономерность: оснований для выделения динамического (силового) ударения) становится все меньше и меньше по мере представленности в языке, роли и характера противопоставления гласных звуков по степени долготы, так же, как отсутствие этого противопоставления является почвой для развития в языке динамического ударения. Логика подсказывает, что в языках «с достаточно разветвленными вокалическими системами» – андийских и цезских языках, нахских, особенно чеченском, сложность вокализма которых обусловлена и противопоставлением долгих классных кратким [21, с. 84-85], ударение как таковое, если иметь в виду ударение силовое, или отсутствует вовсе, или предельно слабо выражено. Тем не ме-

нее, и Г.А. Климов пишет о том, что «ударение в большинстве нахско-дагестанских языков должно быть охарактеризовано как слабо выраженное динамическое и разноместное», с уточнением, что «в ряде случаев – особенно отчетливо дающих о себе знать в аваро-андоцезском ареале – трудности определения его позиции обусловлены его сложным взаимодействием с тоновыми различиями» [21, с. 89]. Распространим это высказывание и на чеченский язык, характеризующийся и сложностью вокализма, и фонематическим противопоставлением гласных по степени долготы.

Вокализм чеченского языка сильно отличается от вокализма других кавказских языков, в том числе и многих дагестанских, далеко не в последнюю очередь тем, что в нем сильно выражено противопоставление гласных по долготе-краткости, что хорошо демонстрируется таблицей А.Г. Магомедова, из которой, несмотря на некоторые неточности в обозначении фонем (например, «умляутизированные» вписаны как *a, o, y*), очевидно, что три четверти гласных четко противопоставлены по долготе [22, с. 32–33]. Говоря словами А.Г. Магомедова, «долгота – устойчивый релевантный признак гласных в чеченском языке» и «противопоставление долгий – недолгий здесь выдерживается последовательно» [22, с. 85]. При этом «развитие долгих гласных в чеченском языке связано с характером некогда здесь функционировавшего словесного ударения» и «гласные ударного слога развились в самостоятельные долгие фонемы, а ударение утратило со временем свое первоначальное значение» [22, с. 86]. Совершенно очевидно, что наличие в слове долгого гласного «нейтрализует», во всяком случае, то словесное ударение, о котором применительно к чеченскому языку пишет и А.Г. Магомедов. Это было причиной того, что в свое время П.К. Услар не нашел основания для уверенного выделения в чеченском языке словесного ударения и указал на следующее: «Относительно слогаударения отмечу, что большею частью падает оно на последний слог, впрочем, оно далеко не имеет той резкости, какую имеет, напр., в русском и итальянском языках. Иногда весьма трудно подметить слог, на который оно падает. Главную роль в чеченском языке играют долгие и короткие слоги, на что и должно обратить особое внимание» [23]. Если бы в чеченском языке «ударные» слоги с долгими гласными содержались исключительно во всех словах, решение вопроса об ударении не представляло бы особой сложности. Но дело в том, что в чеченском языке достаточно слов и словоформ, в которых долгих гласных нет и представлены только краткие и/или полудолгие: *вада* «побежать», *ведира* «побежал», *дика* «хороший», *дуохка* «продать», *делла* «дал», *дуоттагIа* «друг», *чиехка* «быстро», *кговла* «закрыть» и др.

Таким образом, признаков собственно ударения (силового, экспираторного, динамического) в чеченском языке, по всей видимости, нет, как они, надо полагать, отсутствуют и в большинстве других северокавказских языков. Вопрос применения понятия «ударение» к различению гласных по длительности (под названием «долготное ударение» или под каким-либо иным названием) – проблема отдельная, для разрешения которой необходимо и тщательно исследовать это явление в разных языках, не только северокавказских, в которых выделяются долгие гласные и коррелирующие им краткие и «полудолгие», и проверить получаемые результаты в условиях лабораторий экспериментальной фонетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халидов А.И. Интерференция в русской речи учащихся-чеченцев. I. Фонетико-произносительная интерференция // Вестн. Ин-та проблем образования МОиН ЧР. 2006. Вып. 4. С. 66–80.

2. Халидов А.И. Нохчийн меттаИлманан терминийн лугат. Грозный, 2012. 448 с.
3. Халидов А.И. Русский язык в чеченской школе. Назрань, 2009. 259 с.
4. Спагис А.А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969. 340 с.
5. Русская грамматика : в 2 т. Т. I. М., 1982. 783 с.
6. Современный русский язык / Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. М., 1986. 464 с.
7. Редькин В.А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971. 224 с.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 606 с.
9. Лайонз Джон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1978. 543 с.
10. Кубарич А.М. Ударение в китайском языке: экспериментально-фонетическое исследование // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. Вып. 4, т. 4. С. 110–114.
11. Кубарич А.М. Семантика тона в китайском языке // Там же. 2012. Вып. 4, т. 4. С. 8–13.
12. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. I. Фонетика. М., 1993. 286 с.
13. Абдуллаев С.Н. Ударение в даргинском языке // Языки Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1954. 272 с.
14. Современный даргинский язык / З.Г. Абдуллаев, А.А. Абдусаламов, М.-С.М. Мусеев, С.М. Темирбулатова. Махачкала, 2014. 614 с.
15. Современный лезгинский язык / Р.И. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов. Махачкала, 2009. 479 с.
16. Исаков И.А., Халилов М.Ш. Гунзибский язык. Фонетика. Морфология. Словообразование. Тексты. Махачкала, 2012. 397 с.
17. Магомедова П.Т. Тиндинский язык. Махачкала, 2012. 303 с.
18. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, 1966. 462 с.
19. Кабардино-черкесский язык : в 2 т. Т. I. Создание письменности, Фонетика и фонология. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 2006. 548 с.
20. Тестелец Я.Г., Ландер Ю.А. Рецензия: Кабардино-черкесский язык : в 2 т. Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; Изд. центр «Эль-Фа», 2006. Т. I: Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. 549 с.; Т. II: Лексика, фразеология, диалектология, устно-поэтический язык, ономастика. 520 с. // Вопросы языкознания. 2007. Вып. 6. URL: http://www.kbigi.ru/?page_id=644 (дата обращения: 16.10.2016).
21. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. 208 с.
22. Магомедов А.Г. Очерки фонетики чеченского языка. Махачкала, 2005. 203 с.
23. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. 424 с.

Поступила в редакцию 29.09.2016 г.
Принята к печати 26.12.2016 г.